

О 1994 г.

Э. ГИДДЕНС

Социология*

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последнее десятилетие в социологии, как, впрочем, и в других общественных науках, произошли существенные изменения. Однако эти изменения, как правило, рассматриваются в сложной специальной литературе. Поэтому они трудны для понимания неспециалистов. В написании данной книги я руководствовался стремлением создать такое введение в социологию, в котором в доступной для неподготовленного читателя форме рассматривались бы происходящие в этой науке изменения.

Свою книгу я называю «критическим введением». Для этого есть две причины. Во-первых, подразумевается критический подход к ряду социологических представлений, на протяжении длительного времени считающихся непреложными истинами. Во-вторых, социология, в моем понимании, непосредственно связана с социальной критикой. Иными словами, социологию нельзя рассматривать как некое нейтральное интеллектуальное занятие в отрыве от практических последствий социологического анализа для тех, чье поведение составляет предмет этого анализа.

Предлагаемая книга отличается от большинства других введений в социологию по ряду аспектов. Она включает в себя рассмотрение основополагающих проблем социальной теории, т.е. тех теоретических основ, которые социология разделяет со всеми другими общественными науками. Я не принимаю распространенную точку зрения, согласно которой эти вопросы выходят за рамки интересов неподготовленного читателя. Я также не согласен с не менее распространенным мнением, что эта сторона социологии слишком сложна для понимания человека, не знакомого с эмпирическим содержанием социологии. Что касается эмпирического содержания дисциплины, то в его рассмотрении я расставляю акценты несколько иначе, чем принято в подобных введениях.

Многие изложения основ социологии написаны применительно к тому конкретному обществу, в котором живут их авторы или их потенциальная аудитория. Я пытаюсь преодолеть эту теоретическую ограниченность, исходя из того, что, по моему мнению, одна из основных задач социологической мысли — вырваться за пределы привычного и знакомого. Однако, пожалуй, главной отличительной чертой данной книги является ее историческая направленность, хотя социология и история часто преподаются как две совершенно различные дисциплины, такой подход считаю ошибочным.

Я старался быть предельно кратким, поэтому книга не может претендовать на всеобъемлющее изложение материала. Я и не ставил перед собой задачи дать энциклопедический обзор всего комплекса тем, составляющих законный круг интересов социологии. Пытливому читателю придется обратиться к дополнительным источникам

Энтони Гидденс

Социология: вопросы и проблемы

Социология — дисциплина с удивительно неоднозначной репутацией. У многих она ассоциируется с подстрекательством к восстанию, со стимулом к бунту. Даже если у них весьма смутное представление о предмете социологии, они тем не менее связывают ее с какими-то подрывными действиями, с назойливыми требованиями обросших волосами, воинствующе настроенных студентов. Существует и противоположная, возможно, более распространенная точка зрения в среде тех, кто непосредственно сталкивался с социологией как предметом в школе или университете. Согласно этой точке зрения, социо-

* Перевод предисловия и первой главы «Социология. Вопросы и проблемы» из книги: *Anthony Giddens. Sociology. A brief but critical introduction. Second Edition (1986). Houndmills, Basingstoke and London: Macmillan Education, 1982. P. VII—VIII; 1—22.*

логия — скучная и бесполезная дисциплина. Изучающие ее, скорее, умрут от тоски, чем побегут на баррикады. Такая социология отдает академической сухостью, хотя она и не столь точна, как естественные науки, которым пытаются уподоблять социологию представители некоторых ее направлений. С моей точки зрения, те, у кого возникает такая реакция на социологию, во многом правы. Это связано с тем, что многие социологи — можно даже сказать большинство из них, — облекают самые обычные понятия в псевдонаучную терминологию. Представление о том, что социология относится к естественным наукам и, как следствие, должна неуклонно копировать их процедуры и цели, несомненно ошибочно. Поэтому даже ее незадачливые критики в немалой степени правы, когда скептически относятся к социологическим «достижениям», выражаемым в такой форме.

Я тяготею, скорее, к первой точке зрения, чем ко второй. При этом я совершенно не отождествляю социологию с бездумными нападками на общепринятые нормы поведения, хотя и считаю, что социология с необходимостью носит подрывной характер. С моей точки зрения, подрывной или критический характер социологии не подразумевает (или не должен подразумевать), что в интеллектуальном отношении она является чем-то предосудительным. Ведь критический характер социологии определяется как раз тем, что она занимается (во всяком случае должна заниматься) наиболее насущными для нас проблемами, проблемами, лежащими в основе коренных противоречий и конфликтов всего общества.

Независимо от того, нравятся нам или нет протестующие студенты или какие-либо другие радикальные группы, между потребностями, толкающими их на действия, и социологическим пониманием ими проблем общества прослеживаются определенные связи. Социальные потрясения не являются (или являются крайне редко) результатом подстрекательства социологов. Именно социологическое сознание в подлинном смысле слова неизбежно высвечивает те острейшие социальные проблемы, с которыми сталкивается современное общество. Каждый из нас в определенной мере осознает их, однако изучение социологии придает им большую отчетливость в нашем сознании. Таким образом, социология не должна оставаться чисто академической дисциплиной, если под «академичностью» понимаются беспристрастность и безучастность научных знаний, проходящих исключительно в стенах университетов.

Социология не является одной из дисциплин, предлагаемых в подарочной упаковке, открыв которую сразу же доберешься до сущности предмета. Подобно всем общественным наукам, а к ним можно также отнести, в первую очередь, антропологию, экономику и историю, содержание социологии носит внутренне противоречивый характер. Иными словами, социология характеризуется постоянными разногласиями относительно самой ее природы. Однако это не слабость социологии, хотя многие из тех, кто считают себя профессиональными «социологами» именно так и думают. Точно так же, как многие несоциологи обескуражены тем, что существует множество конкурирующих концепций относительно того, как следует подходить к предмету социологии и трактовать его. Многие из тех, кто расстроены постоянными разногласиями между социологами и частым отсутствием единства мнений относительно способов разрешения этих разногласий, обычно считают, что таков признак незрелости науки. Им хотелось бы, чтобы социология была аналогична одной из естественных наук, чтобы она выработала аппарат универсальных законов, подобных тем, которые открываются и подтверждаются естественными науками. Я выдвигаю точку зрения, согласно которой социология не должна точно копировать естественные науки. Более того, «естественная наука» об обществе практически невозможна. Под этим я не подразумеваю, что методы и задачи естественных наук совершенно неприменимы для изучения социального поведения людей. Предметом социологии являются объективно наблюдаемые факты, социология опирается на эмпирические исследования и имеет целью формулировать теории и делать обобщения на основе эмпирически полученных фактов. Вместе с тем люди и материальные объекты в природе — не одно и то же. Изучение людьми своего собственного социального поведения радикально отличается от изучения природных явлений.

Контекст социологии

Развитие и актуальные проблемы социологии необходимо рассматривать в контексте тех изменений, которые сформировали и продолжают формировать современный мир. Мы живем в мире обширных социальных преобразований.

Последние два столетия отличались особой стремительностью социальных изменений. В современном мире их темпы продолжают нарастать. Первоначальным источником

изменений была Западная Европа. Впоследствии влияние социальных изменений приобрело глобальный характер. Результатом данного процесса стало то, что в современном мире привычные на протяжении предшествующих тысячелетий формы социальной организации во многом прекратили свое существование. Суть и истоки происшедших преобразований заключаются в двух так называемых «великих революциях» XVIII—XIX столетий в Европе. Первая — Французская революция 1789 г. — представляла собой ряд исторически специфических событий и стала символом политических преобразований нашей эпохи. Дело в том, что революция эта существенно отличалась от восстаний предшествующих времен. И до нее крестьяне восставали против помещиков-феодалов, однако их выступления, как правило, представляли собой попытки устранить конкретных лиц от власти или же добиться снижения цен и налогов. В период Французской революции (с некоторыми оговорками здесь можно провести аналогию и с антиколониальной революцией 1776 г. в Северной Америке) впервые в истории произошло полное разрушение общественного строя под воздействием социального движения, руководствовавшегося исключительно политическими идеалами всеобщей свободы и равенства. Несмотря на то что эти идеалы не реализованы до сих пор, они тем не менее создали определенные условия для политических изменений, ставших одним из наиболее динамических процессов современной эпохи. Так, в мире вряд ли найдется государство (независимо от его фактического устройства), руководители которого не говорили бы о его демократической сущности. В истории человечества потребность в демократических свободах — явление совершенно новое. Конечно, история знала и другие республики, главным образом в Древней Греции и Риме, однако то были редкие случаи. Во всех случаях «свободные граждане» составляли меньшинство населения, в то время как большинством являлись либо рабы, либо другие социальные группы, не обладавшие привилегиями избранных «граждан».

Второй великой революцией стала так называемая «промышленная революция». Началась она во второй половине XVIII века в Англии, распространившись в XIX веке по всей Западной Европе и в Америке. Промышленную революцию иногда представляют просто как ряд технических достижений, особенно что касается использования энергии пара в промышленности и тех новых машин, которые приводились ею в действие. Однако технические изобретения периода промышленной революции составляли лишь часть гораздо более широкого спектра социально-экономических изменений. Наиболее важным из них стала массовая миграция рабочей силы из сельской местности в расширяющийся сектор промышленного производства. В конечном итоге одним из результатов процесса стала широкая механизация сельскохозяйственного производства. Подсчитано, что до XIX века даже в наиболее высокоурбанизированных обществах в городах проживало не более 10% населения. В других же аграрных государствах и империях процент был гораздо ниже. По современным стандартам даже самые крупные города в доиндустриальных обществах были относительно малы. Так, подсчитано, что до XIV века население Лондона составляло около 30 000 человек. Население Флоренции в тот же период составляло приблизительно 90 000 человек. К началу XIX века численность населения Лондона уже намного превышала численность населения любого другого известного истории города и составляла около 900 000 человек. Тем не менее в 1800 г. даже при наличии такой густонаселенной метрополии как Лондон, лишь незначительная часть всего населения Англии и Уэльса проживала в городах. 100 лет спустя около 40% жителей Англии и Уэльса проживали в городах с населением 100 и более тысяч человек и около 60% жили в городах с населением 20 000 человек и больше.

Таблица свидетельствует о том, что процесс урбанизации продолжает оставаться глобальным явлением. Все промышленно развитые страны высокоурбанизированы, какие бы критерии мы ни использовали для проведения различий между городами и менее населенными местностями. В большинстве стран «третьего мира» также наблюдается быстрый процесс урбанизации. По своим масштабам современные города не идут ни в какое сравнение с городами, существовавшими до XIX века.

Наряду с индустриализацией и урбанизацией, основательно преобразовавшими большинство традиционных форм общества, необходимо также отметить и третий, связанный с ними глобальный процесс. Речь идет о невероятно быстром, по сравнению с прошлыми эпохами, росте населения земного шара. Подсчитано, что ко дню Рождества Христова население земного шара должно было составлять без малого 300 миллионов. Это население, хотя и медленно, но постоянно увеличивалось и к началу XVIII века, по всей видимости, удвоилось. С тех пор происходит так называемый «демографический взрыв», о котором слышали практически все. В настоящее время в мире живет около 4,8 млрд.

Численность населения земного шара, проживающего в городах, % [1]

Годы	Города с населением		Годы	Города с населением	
	20 000 человек и больше	100 000 человек и больше		20 000 человек и больше	100 000 человек и больше
1800	2,4	1,7	1950	20,9	13,1
1850	4,3	2,3	1970	31,2	16,7
1900	9,2	5,5	1982	34,6	18,1

человек. При сохранении сегодняшних темпов роста населения Земли каждые последующие 40 лет оно будет удваиваться.

В то время как последствия такого роста населения для человечества являются предметом многочисленных споров и вполне могут оказаться драматичными, причины, вызвавшие демографический взрыв, более понятны по сравнению с движущими силами развития процессов индустриализации и урбанизации. Они сводятся к тому, что на протяжении большей части человеческой истории сохранялось приблизительное равновесие между уровнями рождаемости и смертности. Несколько упрощая вопрос, можно выделить два основных фактора, лежащие в основе беспрецедентного роста населения. Во-первых, еще 200 лет назад средняя продолжительность жизни равнялась 35 и менее годам. Во-вторых, резко снизился уровень детской смертности. В средневековой Европе и других частях света почти половина детей умирали, не достигнув совершеннолетия. Именно увеличение средней продолжительности жизни и резкое снижение уровня детской смертности, вызванные улучшившимися санитарными условиями, общей гигиеной жизни и полученными средствами борьбы с массовыми инфекционными заболеваниями, и послужили основными причинами беспрецедентного роста населения.

Социология. Определение и некоторые предварительные соображения

Социология возникла в период, когда европейское общество, охваченное изменениями, последовавшими в результате «двух великих революций», стало пытаться осмыслить причины и возможные последствия этих двух революций. Несмотря на то что возникновение любой науки нельзя точно зафиксировать во времени, можно тем не менее проследить прямую связь между идеями социальных философов XVIII века и социальной мыслью последующих периодов. Следует также отметить, что сам идеологический климат в период становления социологии способствовал зарождению двух параллельных революционных процессов.

Какое определение можно дать понятию «социология»? Можно начать с очевидного. Социология изучает человеческое общество. Однако понятие общества можно сформулировать только в самом общем смысле. Дело в том, что понятие «общество» — очень широкая категория, включающая в себя не только промышленно развитые страны, но и такие крупные аграрные империи, как Римская империя и Древний Китай. Под обществом также могут подразумеваться малочисленные племенные группы, состоящие всего из нескольких индивидов.

Общество — совокупность или система *институализированных* форм поведения. Под «институализированными» формами социального поведения подразумеваются формы сознания и действий, которые повторяются или, выражаясь языком современной социальной теории, *воспроизводятся* обществом в длительной пространственно-временной перспективе. Язык — хороший пример одной из таких форм институализированной деятельности или института, поскольку он лежит в основе всей социальной жизни. Мы все говорим на том или ином языке. Хотя языком мы и пользуемся творчески, сами мы его не создавали. Существуют и другие аспекты социальной жизни, которые могут быть институализированы, т.е. становятся общепринятой практикой, сохраняющейся в основном в неизменной форме на протяжении ряда поколений. Так, мы говорим об экономических институтах, политических институтах. При этом употребление понятия «институт» отличается от его обыденного употребления в английском языке в качестве синонима понятия «учреждение» типа тюрьмы или больницы. Все вышесказанное помогает лучше понять смысл слова «общество», хотя полностью и не исчерпывает его содержания.

Общество является предметом изучения не только социологии, но и других обществен-

ных наук. Отличительная черта социологии в том, что ее в первую очередь интересуют те формы общественного устройства, которые возникли в результате «двух великих революций». Такие формы общественного устройства включают в себя как промышленно развитые страны Запада, Японию и страны Восточной Европы, так и ряд видоизменившихся в XX веке общественно-экономических формаций в других частях земного шара. Социальные системы всех этих стран в той или иной мере ощутили на себе последствия «двух великих революций». Что касается так называемых «развитых» обществ, то их нельзя рассматривать в изоляции от форм социального устройства других стран мира или же от обществ, им предшествовавших. К сожалению, подобный «изоляционизм» до сих пор характерен для современных социологов.

В свете вышесказанного можно предложить следующее определение социологии. *Социо-логия* — общественная наука, предметом изучения которой являются социальные институты, возникшие в результате промышленных преобразований за последние 200—300 лет.

Между социологией и другими общественными науками не существуют и не могут существовать жестко установленные барьеры. Ряд вопросов социальной теории, касающихся проблем концептуализации человеческого поведения в обществе и социальных институтов, являются общим предметом изучения для всех общественных наук. Различные «сферы» человеческого поведения, изучаемые отдельными общественными науками, представляют собой «интеллектуальное» разделение труда, существование которого весьма условно. Так, антропология, к примеру, изучает в основном «более примитивные формы общества», а именно: племенные, клановые, аграрные. Однако под воздействием глубочайших социальных изменений, которые претерпело человечество, такие формы социальной организации либо полностью исчезли, либо находятся в процессе адаптации к условиям современных промышленных государств. Предметом экономики является производство и распределение материальных благ. Однако экономические институты всегда тесно связаны с другими социальными институтами. Последние оказывают на экономические институты определенное влияние и сами подвержены влиянию экономических институтов. Наконец, история как наука, изучающая события постоянно удаляющегося прошлого, является источником данных для всего комплекса общественных наук.

Многие из выдающихся мыслителей прошлого, внесших свой вклад в развитие социологии, находились под впечатлением того влияния, которое оказывали наука и техника на происходившие в обществе изменения. Поэтому, формулируя цели социологии, они стремились повторить в области исследования социального мира достижения естественных наук в объяснении физического мира. Огюст Конт (1798—1857), впервые употребивший термин «социология», был самым ярким представителем такого подхода. Все науки, утверждал он, основываются на общей логике и методологии и стремятся открыть универсальные законы, действующие в сфере их исследований. Если человек откроет законы, управляющие обществом, считал Конт, то он сумеет управлять своей судьбой подобно тому, как наука позволяет нам управлять событиями в физическом мире. Эту мысль он выразил в своей знаменитой формуле *Prevoir pour pouvoir* (Уметь предсказывать означает уметь управлять).

Со времен Конта различные модификации идеи о том, что социология должна копировать естественные науки, получили широкое распространение, хотя и подвергались определенной критике. Эмиль Дюркгейм (1858—1917) — одна из наиболее влиятельных фигур в социологии — развил ряд положений концепции Конта. Социология, утверждал он, изучает «социальные факты», а подход к их изучению может быть таким же объективным, как и методы естественных наук. В своей небольшой, но очень авторитетной книге «Правила социологического метода» (1895) Дюркгейм выдвигает тезис о том, что социальные явления должны рассматриваться как *вещи*. Другими словами, социальных индивидов следует рассматривать как физические объекты в природе. С его точки зрения, именно в этом и заключалось сходство между социологией и естественными науками.

Как отмечалось выше, несмотря на распространенность подобной точки зрения в социологии, она, по моему мнению, должна быть отвергнута. Говорить о социологии, антропологии или экономике как о «социальных науках» означает подчеркнуть, что они систематически изучают эмпирические данные. Такая терминология вполне применима к социологии и другим общественным наукам, если учитывать их два существенных отличия от естественных наук.

1) Мы не можем рассматривать общество или «социальные факты» точно так же, как мы

рассматриваем объекты и события в физическом мире, поскольку различные типы общества существуют лишь в той мере и в том виде, в каких они создаются и воссоздаются нами как действующими социальными субъектами. В социальной теории действия людей не могут рассматриваться, как если бы они определялись причинами, подобными причинам событий, наблюдаемых в природе. Здесь важно понять то, что я называю *двойной включенностью* индивидов и институтов, а именно: мы создаем общество, но в то же самое время общество создает нас самих. Как отмечалось выше, социальные институты — устойчивые формы социальной деятельности, воспроизводимые во времени и пространстве. Задумаемся над тем, что это означает. Говорить о «воспроизводстве» социального поведения и социальных систем означает говорить о *повторении* схожих моделей действий индивидами, отделенными друг от друга временем и пространством. Важность этого тезиса необходимо особо подчеркнуть, поскольку значительная часть социальной теории — включая взгляды Дюркгейма — отличается тенденцией мыслить в терминах физических образов, что зачастую приводит к ложным выводам. Социальные системы — определенные модели взаимоотношений индивидов и групп. Многие социологи представляют их в виде каркаса здания или скелета человеческого тела. Однако такое видение мира не отражает истинного положения вещей, так как оно создает статичную, неизменную картину общества. В действительности же, моделирование социальных систем — процесс, происходящий постольку, поскольку индивиды активно воспроизводят определенные формы поведения в разное время и в разных местах. Если все-таки сохранить традиционные образы в описании социальных систем, то их следует сравнивать разве что со *зданиями, постоянно перестраивающимися в каждый отдельно взятый момент времени самими строительными блоками, из которых они состоят.*

2) Из этого следует, что практическое применение социологических знаний не идентично и не может быть идентичным практическому применению достижений естественных наук. Дело в том, что атомы не могут знать, что о них думают ученые, и изменить свое поведение соответствующим образом. Люди же это сделать могут. Таким образом, отношение между социологией и ее «предметом» с необходимостью отличаются от соответствующего отношения в области естественных наук. Если рассматривать социальную деятельность как механическую цепь событий, определяемую непреложными законами, то мы, с одной стороны, неправильно поймем прошлое, а с другой стороны, не сумеем понять, каким образом социологический анализ может помочь нам повлиять на наше возможное будущее. Как индивиды, мы не просто живем в истории; наше понимание истории — неотъемлемая часть того, чем является наша история, и того, чем она может стать. Именно поэтому нас не может удовлетворить идея Конта *Prevoir pour rouvoir* как формула социального существования. Социальные науки имеют дело с людьми, а не с миром пассивных объектов. Социологический анализ часто играет освобождающую роль в обществе, так как показывает людям: то, что они воспринимали как нечто неизбежное, не поддающееся изменениям, как нечто, напоминающее законы природы, на самом деле является естественным результатом их исторической деятельности. В то же самое время социологический анализ учит благоразумию, поскольку, хотя знания и являются важным компонентом власти, они ей целиком не тождественны. К тому же наши знания истории всегда приближительны и неполны.

Социологическое воображение: социология как критика

Одна из мыслей, которую я привожу в данной книге, заключается в том, что социолог — по меткому выражению Чарлза Райта Миллса [2] — должен обладать «социологическим воображением». Этот термин настолько часто цитируется, что рискует стать общим местом, к тому же сам Миллс употреблял его в весьма расплывчатом смысле. Что касается меня, то я вкладываю в него совершенно определенное содержание. Под «социологическим воображением» я подразумеваю определенные взаимосвязанные формы восприятия действительности как неотъемлемые составляющие социологического анализа в том виде, в каком я его себе представляю. Понимание социального мира, возникшего как следствие формирования современного промышленного общества западных стран, может быть достигнуто лишь при наличии у индивида «трехмерного» воображения. Три аспекта такого социологического воображения представляют собой *историческое, антропологическое и критическое* восприятие социальной действительности.

Человеческие существа, в генетическом отношении идентичные нам, по всей видимости существуют около 100 000 лет. Археологические данные свидетельствуют о том, что «цивилизации», основывающиеся на оседлом сельском хозяйстве, существуют не более 8 000 лет. Это очень длительный период по сравнению с очень коротким отрезком современной истории развития промышленного капитализма. Среди историков нет единого мнения относительно точного времени возникновения западного капитализма как ведущего способа экономической деятельности. Однако трудно найти убедительные аргументы в пользу того, что капиталистический способ производства возник в Европе ранее XV или XVI веков. Промышленный капитализм — как результат соединения капиталистической предприимчивости с машинным производством в рамках отдельных предприятий — возник не раньше второй половины XVIII века в некоторых районах Великобритании. За последние 100 лет промышленный капитализм распространился по всему миру и привел к социальным изменениям, по своему масштабу и радикальности неизвестным всей предыдущей истории человечества. Западные страны приняли на себя первый удар. Современные поколения считают вполне естественным, что окружающее их общество ориентировано на постоянные технологические инновации, что большинство населения проживает в городах, работает в производственной сфере и является «гражданами» национальных государств. Однако столь привычный нам социальный мир, возникший столь стремительно и драматично в очень короткий период, на самом деле является уникальным событием во всей истории человечества.

Первое усилие социологического воображения аналитика современных типов индустриального общества должно быть направлено на осмысление нашего совсем недавнего прошлого — «мира, который мы потеряли». Лишь благодаря сознательному интеллектуальному усилию, основывающемуся на исторических фактах, мы можем понять, насколько образ жизни людей современных индустриальных обществ отличается от образа жизни людей в обществе относительно недавнего прошлого. Такое понимание, естественно, должно опираться на объективные факты, подобные тем, которые я приводил выше, обсуждая процесс урбанизации. Однако этого мало. Необходимо также пытаться восстановить в сознании содержание тех форм социальной жизни, которые в настоящее время практически не существуют. При этом между ремеслом социолога и искусством историка не будет никакого различия. В английском обществе XVII века, начавшем испытывать на себе первые воздействия промышленной революции, продолжали сохранять влияние обычаи местных общин, чья жизнь регулировалась канонами религии. Это было общество, остаточные явления которого можно наблюдать и в Англии XX века, однако его отличия от общества современной Англии поистине разительны. Организации, столь привычные в настоящее время, существовали не более, чем в своих рудиментарных формах. Достаточно сказать, что не только фабрики и учреждения, но и школы, колледжи, больницы и тюрьмы получили широкое распространение лишь в XIX веке.

Изменения в формах социальной жизни в значительной степени носили материальный характер. Любопытно следующее описание историком промышленной революции: «Современная технология производит не только больше, но и быстрее. Она производит изделия, которые ни при каких обстоятельствах не могли быть произведены ремесленными способами прошлого. Самый искусный индиец-пряделщик не смог бы производить такую же тонкую и одинаковую по толщине пряжу, как пряжа, производимая с помощью прядельного станка. Ни одна кузница XVIII века не могла производить такие же большие по размерам, гладкие и однородные листы стали, какие производит современный прокатный стан. Но что самое важное, современная технология создала вещи, которые в доиндустриальную эру человек не мог себе даже представить. Это, к примеру, фотоаппарат, автомобиль, самолет, всевозможные электронные изделия, начиная с радио и кончая быстродействующим компьютером, атомная электростанция и многое другое... Изменения в образе жизни человека, вызванные резко увеличившимся количеством и ассортиментом изделий и услуг, можно сравнить разве что с изменениями, последовавшими за открытием огня. Можно сказать, что по своему материальному окружению англичанин, живший в 1750 г., был ближе к легионерам Юлия Цезаря, чем к собственным правнукам» [3].

Беспрецедентный масштаб и повсеместность технических новшеств несомненно являются одной из отличительных черт современного индустриального общества. С процессом технологических инноваций тесно связан процесс вырождения традиций, являвшихся основой повседневной жизни сельской общины и сохранявших свое влияние в докапиталистическую эпоху даже в городах. Традиции прошлого воплощались в на-

стоящем, отражая восприятие времени, отличное от восприятия времени в современных западных обществах. В сознании человека день не подразделялся на «рабочее время» и «свободное время» так жестко, как это происходит сегодня. Ни в пространственном, ни во временном отношениях «работа» так жестко не отграничивалась от других занятий.

Ранее речь шла о том, что в основе преобразований обществ Западной Европы лежали две великие революции. Второй из них была политическая революция, результатом которой стало возникновение национальных государств. В формировании современного мира этот феномен играет такую же важную роль, как и процесс индустриализации общества. Жители западных стран воспринимают как нечто само собой разумеющееся то, что они являются «гражданами» отдельных государств. При этом все прекрасно понимают, какую важную роль в их жизни играет государство (централизованное правительство и местная администрация). Между тем, утверждение гражданских прав и, в частности, всеобщего избирательного права — явление относительно недавнего прошлого. То же самое, можно сказать и о национализме как чувстве принадлежности к определенной национальной общности, отличной от других. Гражданские права и национальное сознание стали характерными чертами «внутренней» организации национальных государств, однако в равной степени важны и отношения *между* национальными государствами. Эти отношения являются фундаментальной отличительной чертой современной эпохи.

Современная мировая система не имеет аналогов в истории человечества. Каждая из «двух великих революций» приобрела глобальные масштабы. Промышленный капитализм основывается на чрезвычайно сложной специализации производства, на разделении труда, при котором отношения обмена охватили весь мир. Достаточно задуматься об одежде, которую вы носите, о комнате, в которой вы находитесь, или о том, что вы будете через некоторое время есть. Вряд ли вы сами сшили себе одежду, построили себе здание или произвели продукты питания. В промышленно развитых странах специализация производства воспринимается как должное, однако до прихода промышленного капитализма разделение труда носило' гораздо менее сложный характер. Большинство населения в основном само производило для себя все необходимое, а в тех случаях, когда это было невозможно, прибегало к услугам других членов местной общины. В современном мире продукция производится и обменивается в мировых масштабах, что стало возможным благодаря поистине глобальному разделению труда. При этом большинство продукции, потребляемой на Западе, не просто производится в других частях мира и наоборот. Между производственными процессами в различных точках земного шара могут существовать сложные взаимосвязи. Так, отдельные телевизионные детали могут производиться в одной стране, другие детали — в Другой, сам телевизор собираться в третьей, а продаваться в совершенно другом месте.

Однако новая уникальная мировая система не является результатом расширения исключительно экономических отношений. Распространение капитализма сопровождалось повсеместным становлением национальных государств. Я уже упоминал некоторые «внутренние» характерные черты национального государства (более подробно о них пойдет речь в седьмой главе). Однако было бы не совсем правильным говорить о национальном государстве как о чем-то «универсально-автономном». Необходимо говорить о *национальных государствах*, которые с момента своего возникновения в Европе всегда отличались комбинацией отношений добрососедства и конфликтов. Современный мир представляет собой хитросплетение разнородных национальных государств. Возникновение национальных государств в Европе и особенно их развитие в других частях земного шара — феномен относительно недавнего прошлого. На протяжении большей части истории человечества люди жили в разбросанных по земле малочисленных общинах, обеспечивавших свое существование охотой на животных и сбором съедобных растений. Это были общества «охотников и собирателей». На протяжении большей части последних десяти или около того тысячелетий мир был все еще редко заселен (по сравнению с нашими днями) людьми, жившими в общинах охотников и собирателей, малочисленных сельскохозяйственных поселениях, городах-государствах или империях. Некоторые империи, такие, как Древний Китай, были очень большими. Однако по своему устройству они радикально отличались от современных национальных государств. К примеру, центральному правительству Древнего Китая так никогда и не удавалось установить действенный контроль над своими многочисленными провинциями, особенно в более отдаленных районах. Жизнь большинства подданных китайского государства совершенно отличалась от жизни их правителей.

Между культурой и языком основной массы населения и государственных чиновников было мало общего.

Важно подчеркнуть, что, хотя только что упомянутые типы общества и состояли в различного рода отношениях, они ни в коей мере не охватывали весь земной шар, как это происходит сегодня. До XX века поговорка «Восток — Востоком, Запад — Западом и им никогда не сойтись» отражала вполне реальные обстоятельства. Несмотря на то, что начиная с XI века между Китаем и Европой и существовали редкие торговые и некоторые другие связи, можно без преувеличения сказать, что на протяжении последующих столетий народы Китая и Запада могли с таким же успехом проживать в различных вселенных. В современном мире ситуация коренным образом изменилась, хотя культурные различия между Востоком и Западом по-прежнему сохраняются. Современный Китай — уже не империя, а национальное государство, отличающееся гигантскими территориями и населением. Согласно утверждениям китайских лидеров, это социалистическое государство. Далеко не все из многочисленных национальных государств в мире следуют «либерально-демократической» модели, наиболее прочно укоренившейся в Западной Европе.

Если первое измерение социологического воображения предполагает развитое историческое сознание, то второе подразумевает глубокую антропологическую проницательность. Говорить об этом опять-таки означает подчеркивать условность общепризнанных границ между различными общественными науками. Культивирование исторического понимания того, насколько новы и драматичны социальные преобразования последних двух столетий, — дело непростое. Однако, по всей видимости, еще сложнее избавиться от явного или подспудного убеждения в том, что образ жизни, получивший распространение на Западе, в чем-то превосходит образ жизни других культур. Такое убеждение обусловлено распространением западного капитализма, повлекшим за собой притеснение и уничтожение большинства других культур, с которыми капитализм вступал во взаимодействие. Идеи социального превосходства получили свое дальнейшее конкретное воплощение и в работах многих социальных мыслителей, пытавшихся втиснуть историю человеческого общества в схемы социальной эволюции, где в качестве критерия «эволюции» имеется в виду способность различных типов общества контролировать или подчинять себе окружающий их материальный мир. В таких схемах западный индустриализм неизменно занимает главенствующее положение, поскольку несомненно обеспечивает уровень материального производства, намного превосходящий уровни производства всех известных истории общественно-экономических формаций.

Социологическое воображение призвано развенчать этноцентризм подобных эволюционных схем. Этноцентризм представляет собой концепцию, в которой в качестве критерия оценки всех других обществ и культур используется точка зрения данного конкретного общества. Нет никаких сомнений в том, что подобное отношение глубоко укоренено в западной культуре. Характерно оно и для других обществ. Однако на Западе убеждение в собственном превосходстве является выражением и оправданием жадного поглощения индустриальным капитализмом других форм жизни. Следует четко понимать, что было бы ошибкой отождествлять экономическую и военную мощь западных стран, позволившую им занять ведущие позиции в мире, с вершиной эволюционного развития общества. Столь ярко проявляющаяся на Западе оценка уровня развития общества исключительно на основе критерия материального производства сама по себе представляет собой аномальное явление, если сравнивать ее с установками других культур.

Антропологическое измерение социологического воображения позволяет осознать то многообразие форм организации человеческой жизни, которые имели место на нашей планете. Ирония современной эпохи проявляется в том, что систематическое изучение разнообразия человеческой культуры — «полевая работа антропологии» — впервые стало проводиться как раз в то время, когда всепоглощающее расширение промышленного капитализма и усиление военной мощи западных государств активно способствовали уничтожению этого разнообразия. Как бы там ни было, с момента зарождения общественных наук эволюционистским идеям этноцентрического характера противостоит антропологический аспект социологического воображения. Показательно, что в работе Жан Жака Руссо «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) четко проводится мысль о том, что, лишь осознав поразительное многообразие социальных формаций, мы можем лучше понять самих себя. «Весь мир, — пишет Руссо, — состоит из множества обществ, о которых мы знаем только понаслышке. Тем не менее, мы по-дилетантски выносим суждения относительно всего человечества.» Представьте себе, продолжает он, что мы могли бы выслать группу бесстрашных исследователей, способных

прочувствовать все многообразие форм человеческого общества, для изучения и описания тех многочисленных обществ, о которых мы знаем так мало. И далее: «Давайте представим себе, что эти новые Геркулесы, вернувшись из своей необычной экспедиции, могли бы на досуге написать природную, этическую и политическую историю увиденного. Тогда и мы смогли бы их глазами увидеть новые миры и благодаря этому лучше понять общество, в котором живем сами».

Спустя полтора века путешественники, миссионеры, торговцы просто энтузиасты действительно совершили много подобных путешествий. Однако их свидетельства часто были сомнительными по содержанию и неполными или же основывались на этноцентризме, против которого выступал еще Руссо. По-настоящему систематические, основательные антропологические полевые исследования стали проводиться приблизительно с начала XX века. С тех пор, несмотря на быстро сокращающееся поле исследований, антропологами накоплен большой объем данных о различных культурах. С одной стороны, полученные данные подтверждают единство человеческой расы. Нет оснований считать, что люди, живущие малочисленными «примитивными» общинами генетически или как-либо уступают живущим в так называемом «цивилизованном обществе». Науке неизвестно о существовании общества без развитого языка; по всей видимости, отсутствует и прямая взаимосвязь между типом общества и степенью сложности его языка. С другой стороны, современные антропологические исследования свидетельствуют о наличии широкого спектра социальных институтов, посредством которых люди упорядочивают свою жизнь.

Современный антрополог часто выступает в роли документалиста несчастий или культур, разрушенных военным вмешательством, болезнями, завезенными с Запада, уничтожением местных традиций и быта. По словам Клода Леви-Стросса, крупнейшего современного авторитета в области антропологии, антрополог — это одновременно «ученик и свидетель» исчезающих народов. Необходимо решить ряд актуальных практических проблем, с тем чтобы остановить продолжающийся процесс правового притеснения этих народов или, по меньшей мере, помочь им постепенно приспособиться к новому образу жизни в условиях, когда их традиционная культура уже разрушена. Вместе с тем, актуальность решения таких проблем не должна заслонять важность результатов антропологических исследований за последние 50 лет. Данные исследований позволяют нам сохранить в памяти формы социальной жизни, стоящие на грани бесследного исчезновения.

Соединение первого и второго аспектов социологического воображения освобождает нас из прокрустова ложа мышления исключительно с точки зрения того типа общества, которое мы непосредственно знаем. Каждый из этих двух аспектов тесно связан с третьей стороной социологического воображения, на которой я вкратце остановлюсь. Она касается возможностей развития. Критикуя представления о том, что социология подобна естественным наукам, я подчеркнул, что социальные процессы не управляются неизменными законами. Как индивиды, мы не обречены на пассивное подчинение силам, действующим с непреклонностью законов природы. Это означает, что мы должны быть готовы рассматривать *альтернативные варианты будущего*, потенциально открытые для нас. В своем третьем смысле социологическое воображение тождественно задаче социологии способствовать *критике существующих форм общества*.

Любая критика должна вытекать из анализа. В последующих главах я вкратце рассмотрю различные точки зрения на природу индустриального общества, сравнивая соперничающие интерпретации. Как я уже подчеркивал, суть изменений, в свое время начавшихся на Западе, невозможно понять без анализа отношений между западными обществами и обществами в других частях света. Именно поэтому я достаточно подробно остановлюсь на значении формирования современной мировой системы государств. Без понимания этого фундаментального явления невозможно оценить потенциальные возможности социальных организаций человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kingsley Davis*. The origin and growth of urbanisation in the world // *American Journal of Sociology*. V. 61. 1955 (updated).
2. *C. Wright Mills*. The Sociological Imagination. Harmondsworth. Penguin, 1970.
3. *David S. Landes*. The Unbound Prometheus. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. P. 5.

Перевод с английского А.Л. БУРАКА